

Архаизация общества в период социальных трансформаций

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье анализируются особенности процесса стихийного обращения общества к архаическому прошлому в условиях кризиса социальной трансформации, что отличает данный вид архаизационной тенденции общества от других подобных.

Ключевые слова: архаизационные тенденции, архаизация общества, архаика, социальная трансформация, модернизация, кризис.

Тема архаики стала на сегодня одной из самых актуальных в общественном сознании в связи с нынешними социальными процессами в большом числе обществ, прежде всего трансформирующихся, в которых проявляются обращения общества, социальных групп к архаическому прошлому, возрождаются элементы древних культурных программ, т. е. очевидно проявление архаизации общества. Отдельные научные социальные дисциплины активно изучают вопросы «второй жизни» архаики в общественных сферах (Ламажаа, 2009). В целом научное знание накопило достаточно большой опыт изучения архаического культурного наследия общества, вышло на серьезный теоретический уровень понимания места архаики в социальной истории. Решение проблемы архаизации обуславливает необходимость социально-философского исследования, основывающегося на решении фундаментальных вопросов соотношения социальных процессов, культурного и человеческого детерминантов истории.

Один из ключевых терминов проблемы — «архаика» (от греч. *archaikos* — «старинный», «древний»). Для теории, исследующей социальные процессы, архаика — это ранний этап становления общества, формирования основных черт его культуры; это временной отрезок. Архаика здесь синонимична древности. При этом древность у каждого

общества, его архаический период имеет свои хронологические рамки. Говорить о некоей всеобщей архаике, даже если речь идет о наиболее общих типах обществ, представляется малопродуктивным делом. Архаикой можно назвать и культуру общества, соответствующую архаическому периоду его истории. В этом смысле архаика и архаическая культура — это одно и то же. И здесь ее анализ производится в соответствии с трактовкой авторами такого сложного и многогранного понятия, как «культура». Можно говорить о культуре (и об архаике) как духовной и материальной сферах общества, программе общепризнанных идей и ценностей, системе категорий мышления и пр. Хорошо известной в отечественной гуманитарной мысли является традиция анализа российской архаики как особого расколотого, полярного содержания культуры, заложенного в архаический период истории. Об этом писали Н. О. Лосский, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, а также А. П. Давыдов, А. С. Ахиезер и др.

Мы рассматриваем архаику как культуру, сформированную на раннем (древнем) этапе социальной истории, представляющую собой систему практик солидарных действий, освоенных в ходе взаимодействия общества с природной средой и другими обществами и выраженных в общественном сознании (менталитете). Архаическая культура

* Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, главный редактор электронного журнала «Новые исследования Тувы». Тел.: +7 (499) 374-59-30. Эл. адрес: lamajaa@mail.ru

как система практик общественных действий состоит из самых простых, но при этом надежных, эффективных способов взаимодействия древнего общества и его индивидов с природной и социальной средой. Поэтому архаика разных обществ содержит много общего. В. Г. Федотова подчеркивает, что архаика — это «нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социоклада, который глубоко впитался в психику и культуру народа» (Федотова, 2009: 3–19).

Обращение общества к архаике в период кардинальных социальных изменений — собственно тема социальной архаизации — в работах отечественных авторов далеко не всегда определяется в своей главной характеристике — как социальный процесс. Один из немногих авторов, которые четко придерживаются данной трактовки, — А. С. Ахиезер. Мы полагаем, что с периода 1990-х годов в России и других государствах постсоветского пространства наблюдается архаизация именно как социальный процесс, который имеет специфическую природу, субъектов, факторы и особенности проявления.

Возвращение к прошлому, в том числе архаическому, можно назвать универсальным социальным механизмом, присущим практически всем обществам на протяжении всей их истории. При этом мы подчеркиваем, что речь идет о процессах обращения к архаике, обусловленных, спровоцированных социальными изменениями. Исследователи в таких случаях говорят о появлении пережитков, рецидивов в ходе эволюции обществ (Э. Тейлор), об «архаизме» как попытке вернуться в прошлое (А. Тойнби), действии механизма инверсии, возвращающего опыт догосударственной культурной жизни (А. С. Ахиезер) и пр. Для определения подобных процессов можно использовать термин «архаизационные тенденции», понимаемый нами как направленность, склонность, стремление индивидов, социальных групп, социума к архаическому социокультурному опыту, что проявляется в разных по формам

ориентациях на архаические социальные практики и культурные смыслы, возникающие в условиях социальных изменений. В самом общем виде абстрактная модель архаизационных тенденций содержит в себе: фактор или совокупность факторов (причины) для возникновения тенденции архаизации; направление тенденции — обращение субъектов к архаическому прошлому общества; некое развертывание процесса во времени, а также определенные результаты.

История показывает, что возрождение архаики само по себе не является деструктивным процессом, оно не равнозначно хаотизации и деструкции. Оно выступает как ресурсосберегающий и обеспечивающий выживание социальный механизм — за счет максимального упрощения и одновременного упорядочения социокультурной жизни (Хачатурян, 2009: 143–144). Он позволяет обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях. Эволюционное развитие обществ проходит сложный путь, социальные изменения могут разрушать сложившиеся социальные структуры, институты, связи и в переходные периоды, когда новые, возможно, более сложные структуры еще не построены, не начали нормальное функционирование. Поэтому обращение общества к архаической культурной программе представляется чаще всего временным средством обращения общества к надежным, проверенным способам взаимодействия с природной и социальной средой, до завершения переходного периода. Однако в ряде случаев актуализация архаики может обернуться инволюцией как системным упрощением, обратным развитием.

Для понимания вариативности архаизационных тенденций можно выделить основные критерии для их классификации¹. Возвраты к архаике рассматриваются как системные или несистемные в зависимости от сфер распространения. Первые представляют собой процессы, затрагивающие социальные структуры как полностью, так и частично. Полностью упрощающие социальную

структуру процессы — это очевидно полные регрессы (инволюции) обществ, которые чаще происходили в эпоху древности и были характерны для обществ ранней государственности. Частично затрагивающими социальными структурами процессами можно считать архаизации, происходящие в ходе общесистемных структурных изменений, ведущих тем не менее не к упрощению, а к дальнейшему развитию общества, в том числе в сторону его усложнения. Несистемные обращения социума к архаике, т. е. не затрагивающие функционирование структур, могут проявляться как тенденции в определенных сферах общественной жизни или выступать в единичных формах (например, возрождение архаического социального института, элементов архаической культуры). В качестве таких тенденций можно назвать и использование современной массовой культурой архетипических мифологических структур сознания (см.: Костина, 2011: 306–344).

В зависимости от субъектов (носителей) можно говорить о всеобщей архаизации — архаизации общества (абсолютного большинства населения или его значительной части). Архаизация на уровне индивида происходит при наличии в нем архаического потенциала, предопределенного тем, что в основе фило- и онтогенетического развития человеческого мозга и психики лежит ведущий принцип развития всех систем возрастающей сложности. Макро- и микроуровни архаизующих тенденций взаимосвязаны, но архаизация на уровне индивида лишь представляет «исходный пункт», потенциальную возможность для разворачивания социальной архаизации (Хачатурян, 2009: 42).

Варианты архаизации общества возможны также по территориальному критерию: единые общетерриториальные и анклавные (региональные, локальные). Основой для выделения подобных вариантов, очевидно, следует считать этнокультурную целостность обществ, так как мультикультурные общества всегда будут демонстрировать этнокуль-

турное разнообразие социальной жизни и социальных процессов, особенно ярко заметное при анклавности проживания этнокультурных образований. Региональные варианты архаизаций могут выступать как вариации общей архаизации или разворачиваться как самостоятельные архаизационные «островки» в относительно благополучном обществе. В первом случае можно говорить об архаизации разной степени проявленности, как в регионах постсоветской России. Во втором — о деградации общественной жизни, например, в отдельных городах, функционирование которых было нарушено по разным причинам. Эти территории могут стать «городами-призраками», даже будучи в составе стабильно развивающегося государства.

По степени преодоления обществом стихийного обращения масс к архаическому опыту рассматриваются преодолеваемая архаизация (адаптационная) и та, которая «одолевает» само общество, приводит к регрессу, упадку и даже гибели (разрушительная и близкая по сути к инволюции). Это вариации вышеназванных типов возвратов к архаике.

Можно усматривать вариации и в зависимости от степени «чистоты» архаического наследия, которое возрождается и теоретически может быть вычленено и отделено от более поздних пластов традиционной культуры. Можно выделять и факторы, приводящие к возрождению архаики в обществе, вплоть до его регресса: внешний (природно-климатический, войны, межкультурное взаимодействие и пр.), внутренние (социокультурные мутации обществ, демографический рост и пр.) (Коротаев, 2003). Само различие внешних и внутренних факторов достаточно условно, так как, например, усложнение обществ, возникающее в ходе появления государственности, ее изменения (под действием внутренних факторов), подразумевает и наличие внешних факторов (например, «вызов» соседних государств).

Рассматриваемый нами тип архаизационных тенденций представляется наиболее сложным, наименее изученным и очень акту-

альным в свете современных социальных проблем России: возрождение архаики (архаизация общества) в период социальных кризисов трансформационных процессов. Особенность его заключается в иной природе. Если общества древности переживали кризисные регрессы в рамках системных эволюционных перемен, усложнений, то новым типом архаизации стали возвраты к архаике в ходе революционных, трансформационных изменений общества.

Можно говорить о двух «полях» общественной эволюции (Флиер, 2011: 494–495), на которых разворачиваются архаизационные тенденции: эволюционном типе динамики (и соответствующим ему архаизационным тенденциям традиционных обществ) и революционном «скачке» (и — архаизации общества периода социальной трансформации). На сегодня второй тип является наиболее распространенным в связи с изменившейся системой обществ в мире. В ходе его трансформируется само общество, что может сопровождаться значительным кризисом. Архаизация в этом случае возникает как реакция на кризис, усложняя процесс трансформации.

Как и всякий социальный процесс, архаизация общества может рассматриваться как социальная развивающаяся система, и соответственно к ней применим системно-генетический подход. С его помощью выделяются существенные черты процесса. Во-первых, архаизация общества носит процессуальный характер, т. е. представляет собой процесс взаимовлияния культуры и социальных отношений, выражающийся в актуализации культурных смыслов под воздействием социальных изменений и влияющий, в свою очередь, на социальную жизнь. Во-вторых, архаизация общества представляет собой своего рода направленный процесс в виде обращенности общества к прошлому культурному опыту, попытки вернуть старые архаические программы в условиях кризиса реформирования (ставящего целью введение новых программ). Эта направленность имеет адаптивное свойство социума, представляет собой один из его социальных механизмов,

обеспечивающих его выживание и развитие. В-третьих, архаизация общества возникает как стихийный, нерелефлексивный процесс, охватывающий значительную часть населения (массы). В-четвертых, архаизация общества тесно взаимосвязана с наиболее значительным типом социальных изменений — социальной трансформацией, возникая как реакция на сложности изменения природы общества, воздействуя на сам процесс социальной трансформации. До сих пор в научной литературе вопрос о соотношении между ними не освещался, хотя сама взаимосвязь эта очевидна для многих авторов. Например, в трудах по проблемам реформирования России отмечается непереносимое присутствие контрреформационных ответов общества (Ахиезер, 1997; Ильин, Панарин, Ахиезер, 1996 и пр.). В работах, посвященных проявлениям архаизации, много внимания уделяется общности факторов собственной трансформаций и архаизаций.

Проблематика социальных трансформаций встала впервые перед западной наукой, которой необходимо было осмыслить процессы и результаты промышленной, социальной, политической революций в Европе со второй половины XVIII в. В XIX в. проблема социальных трансформаций решалась в рамках эволюционных и революционных теорий. XX в. — богатый на трансформационные процессы — дал много материала для социальных наук (Ламажаа, 2011). Для отечественной социальной мысли понятие «трансформация» приобрело особое значение в конце XX в. в связи со сменой социального вектора развития всего постсоветского пространства. Дискутируются причины трансформации, среди них называются и экономические, и политические, и социокультурные. Появились трактовки реформирования как революционного. В целом происходящее в обществе большим числом исследователей определяется как социальная трансформация (Заславская, 2003; Социальные трансформации..., 2005; Лапин, 2000).

Мы рассматриваем социальную трансформацию как процесс структурных изме-

нений внутри общества, когда разрушаются одни и появляются другие структуры взаимодействий, интересов, норм, идей, когда изменяются функции между структурными элементами. Социальная трансформация отличается от других типов значительных социальных изменений: морфогенезиса (возникновения совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур), трансмутации (модификации, реформации или пересмотра существующих социальных установок), репродукции (компенсаторных, адаптивных, уравнивающих, поддерживающих процессов, которые позволяют приспособляться к окружающим условиям, сохраняя существование общества в неизменной форме) (Штомпка, 1995: 456).

Само направление социально-трансформационных процессов — структурных изменений — рассматривается как процесс перехода общества от традиционного состояния в современное, т. е. в ходе модернизации (осовременивания) общества. Эпоху социальных трансформаций мы относим к эпохе осовременивания — модернизаций традиционных обществ, которая была начата западными обществами при переходе их в Новое время с XVI в. и продолжается до сегодняшнего дня. Тем самым подчеркнем, что наше исследование основывается на положениях теории модернизации.

Суть кардинальных социальных изменений, которые сопровождают модернизацию, проясняют понятия «традиционное общество» и «современное общество» (современность). Подобные дихотомии ведут свою историю с работ Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Мейна, Р. Редфилда и др. Мы рассматриваем модернизацию в русле работ В. Г. Федотовой. Традиционные общества, как она пишет, являются исторически первыми. Это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт. В процессе модернизации происходит переход к современному обществу, для которого характерны: преобла-

дание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; активный деятельный психологический склад; преобладание универсального над локальным и др. (Федотова, 1997: 32–50). Переход традиционного общества к современному (модернизация) — это, по сути, переход к своей противоположности, поэтому драматичен, не всегда сопровождается удачами реформирования, ему грозят откаты, тупики развития, различного рода осложнения.

В качестве одного из последних и выступает *архаизация общества* — процесс массового стихийного обращения к архаическому культурному наследию, возникающий в условиях кризиса социальной трансформации. Подчеркнем тот факт, что социальная трансформация не всегда сопровождается архаизацией. Последняя выступает лишь показателем его кризисности. В общественных сферах в этом случае распространяются архаические формы социальных связей, отношений, институтов, социальных практик, соответствующие им нормы, ценности культуры, которые начинают корректировать структурные преобразования или существенным образом менять их, определяя тем самым особый характер, вариативность как собственно социальной трансформации, так и хода модернизации конкретного общества.

В понятии архаизации подчеркивается реакционное противодействие, но не самим структурным изменениям, а той ситуации кризиса, которая сопровождает трансформацию. Причем реакционность эта неосознанная, эмоциональная. Чем более кризисно проходит социальная трансформация, тем большим кризисом это сопровождается и тем сильнее проявляется архаизация. Чем сильнее проявляется архаизация, тем более драматичной разворачивается социальная трансформация.

Архаизацию нельзя назвать непреодолимым процессом. Многое зависит от характера реформ, от способов их реализации. Главной причиной масштабности архаизации является большое отличие целей ре-

форм, идеалов социальной революции от культурных идеалов общества. Предпосылкой, условием для развития процесса архаизации является степень «преодоленности» самой архаики обществом. Если архаика в значительной мере сохранилась, то общественный возврат к ней в условиях кризиса социальной трансформации будет масштабным, что существенным образом затруднит прохождение трансформационных процессов, модернизацию.

Несмотря на тот факт, что Запад в своем эволюционном развитии и становлении как современного общества в наибольшей степени преодолел свою архаику, исследователи отмечают в нем значительное проявление архаики, связывая этот вариант архаизации с массовизацией — с развитием массовой культуры, которая рассматривается в рамках теории индустриального общества с 1960-х годов (Дж. К. Гэлбрейт, У. Росту, Р. Арон, Э. Тоффлер, Д. Белл и др.). Массовая культура, как определяет А. В. Костина, способствует стабилизации общественной системы через конструирование особой виртуальной надстройки над реальностью. Эта квазиреальность создается в том числе через мифологизацию реальности и создание особых структур массового сознания, которые базируются на архетипах, близких по своим характеристикам к представленным в архаических мифах (Костина, 2011: 18–19). Субъектом массовой культуры является особая профессиональная группа, которая создает ее артефакты в соответствии с законами социальной психологии и рыночных отношений. Соответственно массовая культура, массовизация представляется нам явлением иного порядка, чем архаизация, которая не проектируется, не создается специально, не имеет специального управления и может захватывать собой в итоге и инициатора реформ в обществе — власть.

И теория модернизации, и теория индустриального общества подчеркивают близость российских социальных процессов XX в. к западным, несмотря на все особенности социокультурного развития России.

Здесь также осуществлялась модернизация, хотя и иным способом, чем на Западе; также начиная с 1920-х годов разворачивались процессы индустриализации, изменялся общественно-политический строй и провозглашалась «власть масс» (там же: 189). А. В. Костина усматривает уже на начальном этапе советской истории формирование массовой культуры. Однако она имеет свои особенности: доминирование традиционных, доиндустриальных, в том числе религиозных, ценностей, тесно связанных и с социалистическими идеалами — коллективизмом, жертвенностью, аскетизмом, и отрицание достатка, индивидуального успеха, комфорта, стабильности и пр. (там же: 177–186). Именно поэтому, несмотря на тот факт, что создание советского общества строилось путем мобилизационной модернизации, социально-трансформационные процессы в нем не сопровождались кризисом. Новое советское общество, пишет А. С. Ахиезер, само возникло как результат мощной волны локализма и строилось на основе норм общинно-уравнительной культуры (Ахиезер, 1997: 358–359). Общество было индустриально развитым, однако в нем по-прежнему доминировали традиционалистские ценности. Лишь «догоняющая» форма модернизации 1990-х годов в России (Федотова, 1997) привела к социально-трансформационным процессам с кардинальной сменой идеалов, ценностей и пр., что повлекло за собой значительные кризисные явления, в том числе архаизацию.

Причинами архаизации общества следует назвать кардинальные реформы, инициированные властью с целью модернизации общества и не согласующиеся с культурными традиционными особенностями модернизируемого общества. Это, по нашему мнению, приводит к кризису социальной трансформации, социальной анархии и соответственно — дезориентации, дезорганизации значительной части общества, которая становится носителем архаизационных тенденций и в конечном счете субъектом архаизации, поскольку вынуждена с целью выживания

обратиться к архаическим культурным смыслам и социальным практикам. Субъекты архаизации могут принадлежать ко всем социальным слоям, и общим для них является ориентация на архаику.

В структуре феномена архаизации общества выделяются на начальном уровне изменения в состоянии социальных объектов — распространение в обществе определенного социального самочувствия (ощущения разного рода потерь). Следующий уровень — оценка обеспеченности людьми своих базовых потребностей (которые можно рассматривать на основе известной пирамиды потребностей А. Маслоу) и ориентация на действия с их скорейшим удовлетворением, которая осуществляется в условиях социальной анархии и соответственно в форме наиболее простых, эффективных, надежных архаических социальных практик. В их числе были самообеспечение и обеспечение защиты древних локальных групп от других групп. В условиях распространения подобных практик происходит пересмотр социальных и даже космологических категорий сознания людей, происходят изменения в их содержании. В общественном сознании распространяются архаические мифы, образы, концепты, смыслы. На третьем уровне структуры рассматривается влияние этих архаических смыслов на социальные связи, социальные отношения, на характер функционирования социальных институтов.

В современной литературе архаизации часто отводится роль деструктивного процесса, выражающегося в отсутствии резервов общества для решения задач реформирования. Однако мы не склонны рассматривать этот феномен столь однозначно. Он внешне выступает как противодействие реформам, задачам осовременивания общества. И при определенных условиях может действительно привести к определенному тупику развития. Но архаизация, как и прочие архаизационные тенденции, реализует функцию самосохранения системы в условиях кризиса социальной трансформации. Она диктует необходимость корректировки со-

циального реформирования с целью сохранения социокультурных основ самобытности общества. В процессе архаизации, по сути, заложен потенциал двух типов — деструктивный и конструктивный.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исходя из предложений В. М. Хачатурян (см.: Хачатурян, 2009: 40–41).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер, А. С. (1997) Россия: критика исторического опыта. Новосибирск.
- Заславская, Т. И. (2003) Социетальная трансформация российского общества. М.
- Ильин, В. В., Панарин, А. С., Ахиезер, А. С. (1996) Реформы и контрреформы в России / под ред. В. В. Ильина. М.
- Коротаев, А. В. (2003) Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.
- Костина, А. В. (2011) Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 5-е изд. М.
- Ламажаа, Ч. К. (2009) Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 44–48.
- Ламажаа, Ч. К. (2011) Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 262–264.
- Лапин, Н. И. (2000) Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
- Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ (2005) / под ред. В. А. Ядова. М.
- Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой Европы». М.
- Федотова, В. Г. (2009) Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. № 12. С. 3–19.
- Флиер, А. Я. (2011) Культурогенез // Костина А. В., Флиер А. Я. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М. С. 494–495.
- Хачатурян, В. М. (2009) «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.
- Штомпка, П. (1995) Социология социальных изменений. М.

ARCHAIZATION OF SOCIETY IN THE PERIOD OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Ch. K. Lamazhaa

(Moscow University for the Humanities)

The article analyzes the features of the process of a spontaneous society's reference to the archaic past under conditions of the social transformation crisis. This distinguishes this kind of archaizational social tendency from the similar ones.

Keywords: archaizational tendencies, archaization of society, antiquity, social transformation, modernization, crisis.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Akhiezer, A. S. (1997) Rossiia: kritika istoricheskogo opyta. Novosibirsk.

Zaslavskaiia, T. I. (2003) Sotsietal'naia transformatsiia rossiiskogo obshchestva. M.

Il'in, V. V., Panarin, A. S., Akhiezer, A. S. (1996) Reformy i kontrreformy v Rossii / pod red. V. V. Il'ina. M.

Korotaev, A. V. (2003) Sotsial'naia evoliutsiia: faktory, zakonmernosti, tendentsii. M.

Kostina, A. V. (2011) Massovaia kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva. 5-e izd. M.

Lamazhaa, Ch. K. (2009) Problema arkhazatsii obshchestva // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 4. S. 44–48.

Lamazhaa, Ch. K. (2011) Sotsial'naia transformatsiia // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 262–264.

Lapin, N. I. (2000) Puti Rossii: sotsiokul'turnye transformatsii. M., 2000.

Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyi analiz (2005) / pod red. V. A. Iadova. M.

Fedotova, V. G. (1997) Modernizatsiia «drugoi Evropy». M.

Fedotova, V. G. (2009) Rossiiskaia istoriia v zerkale modernizatsii // Voprosy filosofii. № 12. S. 3–19.

Flier, A. Ia. (2011) Kul'turogenез // Kostina A. V., Flier A. Ia. Kul'tura: mezhdru rabstvomu kon'iunkture, rabstvomu obychaia i rabstvomu statusa. M. S. 494–495.

Khachaturian, V. M. (2009) «Vtoraia zhizn'» arkhai: arkhazuiushchie tendentsii v tsivilizatsionnom protsesse. M.

Shtompka, P. (1995) Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. M.

Научная жизнь

17-22 июля 2011 г. в Карловском Университете (Чехия) проходил IX Всемирный шекспировский конгресс. Тема конгресса «Ренессансный Шекспир / Шекспировский ренессанс» («Renaissance Shakespeare / Shakespeare Renaissances»). Конгресс привлек 665 историков литературы, театроведов, издателей, редакторов, теоретиков режиссуры и актерского мастерства, переводчиков, экспертов в области кино, изобразительного искусства, музыки, в том числе всемирно известных (С. Уэллс, Э. Дж. Кук, М. Добсон, П. Холланд, Л. К. Орлин, П. Эдмондсон и др.). В конгрессе участвовали российские ученые, в их числе — заместитель директора ИФПИ МосГУ Н. В. Захаров, который выступил соорганизатором и соведущим секции «Постановки Шекспира в посткоммунистическом пространстве» и сделал доклад «Гамлет на постсоветской сцене», вызвавший большой интерес и оживленную дискуссию в мировом сообществе шекспироведов.